

Глава 12

Взывайте к имени моему — Гость из-за пределов Небес

Госпоже Ли в ту пору исполнилось шестнадцать — самый возраст для девичьих грёз и тайных томлений.

Будучи единственной дочерью в богатом семействе, она с малых лет не знала ни в чём отказа, окружённая лаской и заботой. Ещё в детстве родители пригласили для неё наставницу, дабы обучить грамоте. Однако жизнь в тишине глубоких покоев редко баловала разнообразием, и единственной отрадой для девушки стали книжные повести — в них она находила спасение от унылого однообразия будней.

Стоило в книжной лавке появиться какой-нибудь новинке, она тут же посылала слугу, чтобы тот немедля доставил ей свежий том.

Когда же в свет вышло «Сказание о вышивальщице», госпожа Ли, едва заполучив книгу, принялась с упоением её листать.

В романах авторы то и дело расхваливали красоту и изящество героев, но, как ни старалась она, воображение отказывалось рисовать образ по-настоящему прекрасного мужчины. В повседневной жизни, помимо отца да братьев, она видела лишь слуг да домочадцев, кои под книжные описания никак не подходили.

Девушка читала, то и дело разочарованно качая головой, но, перевернув очередную страницу, вдруг замерла в изумлении. Иллюстрация в этой книге не имела ничего общего с тем, что ей доводилось видеть прежде.

В старых изданиях рисунки были скорее условными набросками, исполненными в манере «се-и»: смысл понять можно, но красоты в них не было ни на грош. Здесь же всё выглядело иначе: стиль Чу Цы поражал своей живостью и верностью натуре. Каждая прожилка на листе шелковицы, каждая травинка под ногами были выписаны с кропотливой точностью. Но главное — люди.

Женщина, облачённая в простое платье, глядела с листа очами, подобными чистым водам осеннего озера. Тонко очерченный нос, жемчужная белизна зубов и нежные пальцы — перед взором предстала истинная красавица.

Мужчина же, в скромном одеянии ученика, обладал статью и благородством. Ясный взор, безупречные черты лица — он был живым воплощением того идеала, о котором втайне грезила любая девица, помышляя о замужестве.

Она смотрела на рисунок, и сердце её замирало от восторга.

Вскоре госпожа Ли принялась подражать облику незнакомки с картины: сменила наряды, стала укладывать волосы точно таким же узлом. И стоит сказать, что если прежде она тяготела к яркому макияжу, то нынешняя простота необычайно подчеркнула её природное очарование. Каждый, кто видел её теперь, не мог удержаться от похвалы.

Подруги, снедаемые любопытством, долго допытывались, отчего та столь внезапно преобразилась. Поняв, что тайну не сохранить, девушка скрепя сердце показала им заветные иллюстрации.

Едва взглянув на рисунки, другие молодые госпожи совершенно потеряли покой — столь пленительными были эти образы. Разузнав всё, что можно, они немедленно отправили слуг за покупками.

В одночасье город наводнили девицы, почитавшие простоту наряда за высшую добродетель, а прически из книги стали последним криком моды. Разумеется, такие вести не могли пройти мимо обывателей, и книжная лавка «Ханьмо» прославилась на всю округу.

Когда запасы «Сказания о вышивальщице» иссякли, лавочник Лу, не теряя времени, пустил в ход другие повести, где Чу Цы послужил прообразом для героев. Так идеальный возлюбленный в девичьих грезах сменил несколько обликов: из утонченного ученика он превращался то в изысканного молодого господина, то в статного и сурового странствующего рыцаря. Влияние этих рисунков было поистине ошеломляющим.

Другие книжники из кожи вон лезли, пытаясь вернуть покупателей, ведь за последнее время их торговля пришла в совершенный упадок. Понятно ведь: заглянув в лавку за повестью, человек редко уходил без сопутствующих товаров. Именно поэтому Лу Фэн теперь сиял, как начищенный медный таз.

Чу Цы выслушал этот рассказ с весьма странным выражением лица. Он и представить не мог, что страсть к кумирам была введена людям и в эти стародавние времена. В прошлой жизни, будучи классным руководителем в старшей школе, он то и дело заставлял учениц за бурным обсуждением звезд. Видели бы они себя со стороны!

«Начни они грызть гранит науки с тем же пылом, с каким обсуждают своих любимцев, я был бы самым счастливым учителем на свете» — подумал он.

— У всех известных авторов есть звучное и запоминающееся прозвище, — прервал его раздумья Лавочник Лу. — Подумайте и вы, не стоит ли вам обзавестись громким именем?

Это было необходимо прежде всего для защиты от подделок. Тот вовсе не был злопыхателем, но на рынке уже стали появляться жалкие подражания, что могло изрядно повредить их монополии.

«Прозвище?»

В голове Чу Цы мгновенно всплыли имена великих: отшельник Пяти Ив, мирянин Синего Лотоса, старец Дикой Равнины... Он долго размышлял, перебирая варианты, и вдруг его осенило.

— Пусть меня зовут «Гость из-за пределов Небес».

«Гость из-за пределов Небес?»

Лу Фэн повторил это имя, и оно показалось ему на редкость причудливым.

— Именно так. Пусть ломают головы в догадках — так им будет непросто выйти на мой след.

— Что ж, это разумно. Говорят, в нашем городке и впрямь стало больше чужаков, — лавочник посерьезнел.

Он сложил причитающиеся Чу Цы деньги в увесистый кошель и протянул его юноше, а сверху добавил стопку чистой бумаги, дабы со стороны казалось, будто тот зашел просто за покупками.

Перед тем как выпустить гостя, Лу Фэн вполголоса добавил:

— Сючай Чу, не извольте беспокоиться. О печати я позабочусь сам, найду надежного мастера. В ближайшие дни вам лучше в город не соваться — незачем привлекать лишнее внимание.

Юноша, однако, не спешил уходить. Он вернулся к прилавку, взял кисть и набросал несколько иероглифов, после чего протянул листок собеседнику.

— Для оттиска используйте мой почерк. Так подделать печать будет куда труднее.

— Ваша правда. Я всё устрою через доверенного человека, — согласно закивал тот.

Чу Цы коротко кивнул и, подхватив бумагу, вышел на улицу.

Беда была в том, что, уходя утром из дома, он не собирался ничего покупать, а потому не взял с собой даже корзины. Стопка листов в руках была и ношей тяжелой, и бросить жалко — задачка не из легких.

Пока он раздумывал, как быть, мимо проехала карета, которая вдруг резко затормозила.

— Неужто это брат Чу? — из окна выглянул молодой человек, облаченный в платье состоятельного ученика. Голос его звучал неуверенно.

— Я — Чу Цы из деревни Чанси. Могу ли я узнать имя почтенного господина? — юноша попытался воскресить в памяти этот образ, но в воспоминаниях прежнего хозяина тела такого человека не нашлось.

— Меня зовут Чжан Вэньхай. Мы вместе учились в академии Цишань, помните? Правда, вы пробыли там всего полмесяца, прежде чем перевелись в уездное училище, — пояснил тот.

Академия Цишань? Чу Цы припомнил: действительно, было такое. Когда ему исполнилось двенадцать, деревенский учитель признал, что больше не может ничему его научить, и написал рекомендательное письмо своему старому другу.

Оказавшись там, Чу Цы столь стремительно пошел в гору, что слух о нем дошел до наставника уездного училища. Тот лично встретился с одаренным отроком и, испытав его знания, предложил бесплатное обучение.

В академии Цишань плата составляла два ляна в месяц, в училище же — все пять. Слово «бесплатно» для бедной семьи стало решающим, и Чу Цы сменил место учебы. Из-за этого старый учитель из деревни долго дулся на него, считая такой поступок едва ли не предательством.

— Так это брат Чжан! Прошу прощения, мой взор затуманился, и я не признал вас сразу.

— О чем вы, брат Чу! С вашими-то познаниями вы — образец для всех нас, — Чжан Вэньхай вышел из кареты, явно желая продолжить беседу.

Юноше ничего не оставалось, как стоять у дороги, прижимая к груди стопку бумаги.

Этот собеседник поначалу долго сетовал на превратности судьбы, кои помешали Чу Цы на последних экзаменах, а после принялся уверять, что истинный талант всегда пробьет себе дорогу. Следом он завел речь о собственной никчемности: мол, столько лет бьется над канонами, а всё никак не выйдет из туншэнов. Куда ему до Чу Цы, который в четырнадцать лет уже блистал в звании сюцая!

Тот слушал это словоизлияние со смирением, пока наконец не уловил суть: этот малый считал его необычайно одаренным и надеялся выведать секреты успешной сдачи экзаменов.

Как только эта мысль оформилась, Чу Цы понял: пришло время делать деньги.

— Брату Чжану не стоит так себя корить. Сдается мне, дело вовсе не в скудности знаний, а в том, что вы выбрали неверный путь. Если найти правильный метод, усилия окупятся сторицей, в ином же случае — вы лишь тратите время впустую.

Глаза Чжан Вэньхая вспыхнули. Он так и знал! У сюцая Чу есть свой секрет! В академии

Цишань — от главы до последнего ученика — все по сию пору поминали его с восторгом. И ведь верно: стоило ему перевестись, как уже через год он стал сюцаем.

В академии тогда все локти искушали — не отпусти они такого таланта, слава четырнадцатилетнего отличника досталась бы им. С такой живой рекламой от желающих поступить отбоя бы не было.

В такой обстановке юноша и рос: стоило кому-то из учеников ошибиться, наставники тут же ставили в пример Чу Цы. Многих это злило, но Чжан Вэньхай был нрава мирного и лишь по доброму завидовал чужому уму. Семья его была в достатке: отец — купец, приданое матери тоже немалое, к тому же он был единственным сыном.

С малых лет его готовили к купеческому делу: счёты, гроссбухи — ведь детям торговцев путь к экзаменам был заказан. Однако десять лет назад государь смягчил законы, дозволив детям купцов, внесших значительный вклад в казну, участвовать в конкурсе.

Что именно считалось «значительным вкладом», умалчивалось, но все понимали: казна после долгих войн пуста, и империи нужны деньги.

Против такой «милости» никто не мог устоять. Испокон веков сословие торговцев считалось низшим, и кто бы не желал видеть своего сына среди почитаемых книжников?

Отец Чжан Вэньхай оббил немало порогов, прежде чем сумел выкупить для него право на экзамен. Беда лишь в том, что юноше уже пошел двадцатый год, а он всё никак не мог «открыть разум» и года четыре прозябал в туншэнах.

Глядя на полные надежд лица родителей, Чжан Вэньхай чувствовал, как на сердце ложится тяжкий камень. Встретив сегодня на дороге Чу Цы, он в порыве чувств велел остановить карету, надеясь получить хоть каплю наставления.

И вот теперь, когда он был так близок к разгадке, ладони его взмокли от волнения.

Чу Цы едва заметно усмехнулся, но тут же принял вид крайне озабоченный.

— К сожалению, те записи, что я вел перед экзаменами, уже разошлись по рукам, иначе я бы непременно одолжил их брату Чжану. Ныне же я погряз в суете мирской, день и ночь забота лишь о хлебе насущном, так что времени на долгие беседы у меня, увы, совсем нет. Прощу меня извинить, мне пора возвращаться — нужно еще книги переписывать.

Сердце Чжан Вэньхай ушло в пятки. Огромное сокровище лежало прямо перед ним, но он не мог до него дотянуться! Какая досада!

Однако поделаться он ничего не мог и лишь провожал взглядом Чу Цы, уходящего со стопкой

бумаги.

Тот же шел прочь, понося про себя незадачливого знакомца:

«Ну и дурень! Сын торговца, а сообразительности — как у воробья. Впрочем, эту сделку я уж точно не упущу»

<http://bllate.org/book/15354/1416594>